

5
Утро Ночь
Россия
Господи Москва

„ПОКРЫВАЛО ПЬЕРЕТТЫ“.

Пьеро — г. Кречетовъ.

Конфликтъ изъ-за «Сорочинской ярмарки». Въ послѣднемъ засѣданіи правленія союза драматическихъ писателей и композиторовъ было рассмотрѣно заявленіе В. И. Бесселя, будто Свободный театръ при постановкѣ «Сорочинской ярмарки» совершенно извращаетъ музыку Мусоргскаго, написанную для этого произведенія. Согласившись съ доводами В. И. Бесселя, правленіе союза постановило запретить Свободному театру исполненіе музыки Мусоргскаго, и въ случаѣ нарушенія этого запрета угрожаетъ уголовной отвѣтственностью. Офиціальное увѣдомленіе о такомъ запрещеніи отправлено союзомъ дирекціи Свободнаго театра и въ копіяхъ сообщено градоначальнику и мѣстному участковому приставу.

Дирекція Свободнаго театра пока никакого опредѣленнаго рѣшенія по этому поводу не приняла. Сегодня предложеніе союза драматическихъ писателей будетъ обсуждаться въ дирекціи совместно съ юристами.

Свободный театръ.

«Покрывало Пьеретты».

Въ этой пантомимѣ Артура Шнитцлера, въ этой нѣмой драмѣ Пьеретты, Пьеро и Арлекина, есть какая-то жуткая острота чувства. Въ этихъ дѣйствующихъ лицахъ съ названіями масокъ стариннаго театра, въ костюмахъ то двадцатыхъ годовъ минувшаго вѣка, то временъ Людовика XVI-го, есть вмѣстѣ съ тѣмъ какая-то первинность, какая-то лихорадка жизни нашихъ дней.

Этотъ самоубійца Пьеро, самоубійца по уговору съ возлюбленной Пьереттой, точно тѣнь этихъ безконечныхъ самоубійствъ нашихъ дней. Въ этой сценѣ перваго дѣйствія съ отравленіемъ, въ этихъ зажженныхъ свѣчахъ, какъ на собственныхъ похоронахъ, въ этой красной скатерти на столѣ, въ этихъ турахъ какъ будто вальса передъ смертью есть что-то именно изъ нашего вѣка, склоннаго къ причудливымъ формамъ смерти, самоубійства. Эти нѣмые персонажи проносятся передъ глазами зрителя въ какомъ-то жуткомъ вихрѣ, и современный зритель остро чувствуетъ эту перифразу старой пантомимы, нарисованную первнымъ, капризнымъ и большимъ перомъ современнаго драматурга, воспитывавшагося и на Мопассанѣ и на Эдгарѣ Поэ, и рассказанную первной, гибкой, болѣзненно-чуткой музыкой Донани.

Прекрасная постановка Свободнаго театра эта интересная, талантливая вещь. Недостатокъ — длиннота. Она должна идти не свыше часа съ небольшимъ, а тутъ ее растягиваютъ на три.

Ставилъ г. Тауровъ и заслуживаетъ полной похвалы. Въ особенности хорошо удалось режиссеру это жуткое настроеніе на балу, переходящее въ ужасъ, и эта страшная своимъ безумнымъ вихремъ полка, прерываемая появленіемъ мертваго Пьеро, что-то схожее съ какой-то пляской смерти, съ какой-то галлярдой среднихъ вѣковъ. Въ декорациі параднаго свадебнаго бала, принадлежащей г. Арапову, въ этомъ серебряномъ тонѣ колоннъ и люстръ, есть что-то траурное, погребальное, странно диссонирующее съ чрезвычайной красочностью платьевъ и фраковъ моды конца XVIII столѣтія. Это ксати. Хотя въ костюмахъ странность: 2-е дѣйствіе наряжено въ другой вѣкъ, чѣмъ первое, а происходитъ въ одинъ и тотъ же день.

Г-жа Кооненъ, которую я помню такой тихинкой цыганкой въ «Живомъ трупѣ», показала себя въ Пьереттѣ отличной минимисткой. Очень трудная сцена безумія въ послѣднемъ дѣйствіи была проведена мастерски.

Изящный Пьеро г. Кречетовъ. Фигура для гибкихъ, тонкихъ пластическихъ движеній, тонкое красивое лицо. А когда говорилъ въ прологѣ — дикція вульгарна.

Прологъ чрезвычайно многословенъ, нужно унять эти потоки рѣчей Сивиллы. Это также скучно, какъ и предварительное исполняемая симфонія Рихарда Штрауса «Смерть и просвѣтленіе», композиція жесткая, съ какой-то пылящей и гремящей оркестровкой, съ одной поддѣлкой подъ что-то якобы очень выразительное.

Мнѣ говорили, что исполнитель Арлекина г. Чабровъ впервые выступилъ на сценѣ въ этотъ вечеръ. Я нахожу, что это было удачно. Въ его лицѣ была какая-то маска, судорожная, искривленная, злая. Карикатура и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страданіе. Это было въ тонѣ картины.

Въ «Сорочинской ярмаркѣ» и въ «Прекрасной Еленѣ» говорящіе актеры мнѣ не нравились. Молчаливыхъ — хвалю.

Но, надѣюсь, будетъ въ Свободномъ театрѣ и хорошій разговоръ